

соборність і індивідуалізм, уряд і неоліберальний ринок. Слов'янське євразійство Олександра Панаріна протистойть головному ворогу - неоліберальній ідеології на основі ринкових відносин.

Ключові слова: євразійство, православ'я, ідентичність.

УДК 904(=221.15)(045)

В.Ю. Зуев

О ВРЕМЕНИ АКТИВНОГО ВЫСТУПЛЕНИЯ САРМАТОВ В СТЕПЯХ ЕВРАЗИИ ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ ¹

Сарматская археология возникла в советской науке как самостоятельное направление в конце 40-х годов XX века на основе парадигмы савромато-сарматского историко-культурного единства. В силу политических условий, идея о тождестве и исторической преемственности савроматов и сарматов, трактовалась изначально как стадияльная концепция автохтонного развития культур и противопоставлялась миграционной идее формирования культур сарматского круга. Тождество и преемственность савроматов и сарматов не было доказано, а было декларировано как концептуальная установка. Вся последующая линия развития сарматологии шла по линии размыwania и компромиссов между реальным историческим материалом и желанием сохранить главную парадигму. В настоящее время уже признано, что исторические савроматы не имеют отношения к археологическим памятникам Приуралья и Поволжья VI–IV в. до н.э. Сохраняется лишь некое условное наименование этих древностей «савроматскими», исключительно как археологический слэнг. Не выдерживает критики и идея о том, что культура ранних сарматов формировалась в Приуралье и Поволжье на базе преемственности традиций предшествующего времени. В настоящее время нет никаких чётких представлений о памятниках III – первой половины II в. до н.э. в этих регионах. Самые ранние и выразительные сарматские памятники, сопоставляемые с эпонимными древностями южной группы Прохоровских курганов, датируются второй половиной II – началом I в. до н.э. Они не имеют местных корней в Приуралье и принесены сюда широким потоком кочевников, двинувшихся в середине II в. до н.э. из глубин Азии. В археологическом материале этот горизонт памятников маркируется погребениями воинов с церемониальным, отделанным золотом, клинковым оружием прохоровского типа и большим количеством ювелирных изделий, выработанных в художественных традициях южной, средней и центральной Азии. Этот горизонт древностей хорошо уловим на пространствах от Китая до Причерноморья и позволяет говорить предметно о сарматской истории II–I в. до н.э.

Ключевые слова: сарматы, сарматология, Прохоровские курганы, кочевники.

Сарматская археология возникла в советской науке как самостоятельное направление в конце 40-х годов XX века на основе парадигмы савромато-сарматского историко-культурного единства [3. С. 100–121]. Сама парадигма о тождестве и исторической преемственности савроматов и сарматов, появилась как идея в условиях

¹ Полный текст доклада на международной научной конференции: «Боспорский феномен: греки и варвары на Евразийском перекрёстке». (Санкт-Петербург, 21 ноября 2013 года).

доминирования стадияльных представлений о существовании и смене культур, как сугубо автохтонных процессов. Более того, она была заострена против буржуазной теории миграционизма, разработанной в отношении сарматов М. И. Ростовцевым, который назывался политическим врагом советского строя и науки, а его методы работы определялись Граковым как «порочные»².

Б. Н. Граков написал свою статью о единой автохтонной савромато-сарматской культуре в сложных условиях начинающейся после войны борьбы с космополитизмом, когда от Гракова руководством Института Истории Материальной Культуры требовалось обличить и идейно разгромить кого-либо из буржуазных учёных, дабы продемонстрировать верность марксистской идеологии в её актуальной тогда ипостаси – учении Н. Я. Марра о стадияльности исторического развития³. Б. Н. Граков играл знаниями виртуозно, построив статью на иронии по поводу любимой марксистами теме матриархата. Он писал: «Мужчина спокойно лежит в могиле. Рядом брошен женский костяк. На его черепе следы насильственной смерти. Ректор Саратовского университета, крупнейший хирург Миротворцев определил её смерть так: сначала нанесён надрез и сильный удар мечом по темени, от которого выкололся кусок кости. Удар этот лишь оглушил тяжело раненную женщину. Тогда уже лежащей ей был

² В плане сравнения, Граков повторил в отношении недостижимого советским властям М. И. Ростовцева научный ход, похожий на историю написания С. А. Жебелёвым работы «Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре» [5. 36 с.]. Эта публикация, породившая впоследствии ряд исследований как в поддержку интерпретации Жебелёва, так и отрицавших её главную идею, также была противопоставлена гипотезам М. И. Ростовцева [1. С. 53–72]. Она была построена на виртуозной трактовке письменного источника в угоду политической конъюнктуре в опасный момент жизни Жебелёва. Дав социально-политическую трактовку переворота на Боспорском престоле в духе марксизма, Жебелёв обезопасил себя и своих учеников от репрессий, став, по сути, классиком советской исторической науки, хотя и не стеснялся говорить (имея в виду советскую власть в целом): «они хотели получить восстание, они его получили». Известно, что Жебелёв просил в тайном письме к Ростовцеву, жившему в США, не принимать всерьёз эту работу, т.к. на кону стоял вопрос о его судьбе и судьбе близких. М. И. Ростовцев понял положение друга. В отношении Гракова реакция Ростовцева осталась неизвестной. Учёный был уже тяжело болен и отошёл от занятий наукой. А жаль! В случае с Граковым, работы которого Ростовцев знал и ценил, он бы, несомненно, принял вызов.

³ Любопытно, но никто из сторонников идей Гракова в последующие годы не задавался вопросом – когда и при каких обстоятельствах появилась работа: «Гувакократоѳевои (пережитки матриархата у сарматов)». А они весьма интересны и касаются раннего московского периода существования Института истории материальной культуры. В 1946 г. руководство ИИМК АН СССР перешло от академика Бориса Дмитриевича Грекова, ставшего академиком-секретарём АН СССР, к историку-медиевисту Александру Дмитриевичу Удальцову – специалисту, очень далёкого от проблематики работы Института. Этой переменой решил воспользоваться руководитель Ленинградского отделения ИИМК, член-корр. АН СССР Владислав Иосифович Равдоникас и его сторонники из довоенного ИИМК для того, чтобы захватить власть в Институте и вернуть его руководство в Ленинград. Они решили навязать Институту демагогическую дискуссию, главным мотивом которой была борьба с космополитизмом. Группа московских сотрудников, узнав об этой идее погрома в Институте, организовала сопротивление. Была подготовлена серия научных докладов, в которых, по ходу дела упрекались сами инициаторы дискуссии в преклонении перед Западом и давались позитивные примеры того, как успешно в МО ИИМК отстаивают верную линию теории стадияльности Н. Я. Марра. В этих условиях Б. Н. Граков, хорошо знавший, на своём опыте, что такое подобные дискуссии, решил полемизировать в качестве противоположных с идеями М. И. Ростовцева, не задевая никого из тех, кто жил и работал в СССР. Сама инициатива В. И. Равдоникаса, вернуть руководство ИИМКом в Ленинград потерпела тогда полное фиаско. «Оборона» москвичей оказалась столь впечатляющей и мысль о том, что кто-то раскрыл москвичам его планы стать руководителем Института, выбила Равдоникаса из колеи, и он вообще ушёл из науки. Пострадал и его соратник – А. Н. Бернштам, с которым они лихо проводили чистки рядов археологов в 30-е годы. Именно с этой дискуссии началось знаменитое гуннское «дело» Бернштама. Случившийся в 1950 г. поворот в отношении Сталина к вопросам языкознания довершил разгром ИИМКа в Ленинграде.

нанесен удар мечом, снесший ей прочь весь правый висок и бывший смертельным. Она не была чужеземкой: её череп также деформирован, как и у её повелителя. Таким жестоким актом закончилось сарматское, столетиями жившее, женовластие. И если мы начали это сообщение словами псевдо-Скилака: “Σαυροματόν δέ ἐστὶν ἔθνος γυναικοκρατούμενον”, то надо закончить словами Аммиана Марцеллина об аланах (XXXI, 20): “omnis igitur aetas et sexus inbellis circa vehicula ipsa versatur, muniisque distringitur mollibus”» [3. С. 121]⁴. В статье (примечательно, что она названа сообщением!) Б. Н. Граков попытался доказать, что оба народа стадияльно тождественны в своей культуре, и что на археологических материалах из Поволжья и Приуралья можно проследить этапы угасания матриархата от женозависимых савроматов (потомков амазонок) к совершенно маскулинным сарматам. В разнице разновременных археологических материалов Граков предлагал видеть постепенную – стадияльно автохтонистскую – трансформацию единой кочевой культуры, названной им савромато-сарматской [3. С. 100–121].

В работе Б. Н. Гракова было всё: систематизация археологического материала, освоенного автором в 20–30 годы, виртуозное манипулирование письменными источниками, неявная ирония над марксизмом и его трактовками роли женщины в истории, смелости⁵. Не было в статье лишь одного – *доказательства тождества исторических савроматов и сарматов* [32. С. 291–306]. Но этого коллеги Гракова не заметили тогда, не видят этого и сегодня, составляя в честь основополагающей для советской сарматологии статьи лестные отзывы по случаю юбилея её издания⁶. Сам Б. Н. Граков, в 1955 г., оценивая свою гипотезу о единстве «савромато-сарматской» культуры, написал в Большой Советской Энциклопедии, что «тождество савроматов и сарматов доказано ныне окончательно» [4]. В последующие годы, трудами его учеников, была детально разработана концепция единой савромато-сарматской культурно-исторической общности, которая бытовала на просторах от междуречья Дона и Волги до Зауралья от VI в. до н.э. до IV в. н.э. [29; 22]. Однако Б. Н. Граков переоценил окончательность решения вопроса о савромато-сарматском тождестве.

В 1971 г. с аналитической работой о письменной традиции относительно проблемы появления сарматов на исторической арене в Северном Причерноморье, выступил Д. А. Мачинский. Он убедительно доказал отсутствие указаний на тождество савроматов и сарматов в античной литературной традиции, и обосновал для эпохи архаики времён Аристея Проконнеского своё распределение различных древних народов от Задонья до Зауралья [17. С. 30–54]. Его взгляды полностью принял К. Ф. Смирнов, согласившийся считать Приуралье и Зауралье зоной обитания исседонов [30. С. 19]. Но, понимая прекрасно, что такой вывод разрушает концепцию Б. Н. Гракова, К. Ф. Смирнов выдвинул компромисс, который, однако, утвердился в отечественной науке. Он предложил локализовать исторических савроматов в междуречье Дона и Волги, но в плане археологии считать все древности Поволжья и Приуралья памятниками единой «савроматской» археологической культуры, существующей в двух локальных вариантах. Так в науке появилось раздвоенное понятие – исторических и археологических савроматов. Наиболее последовательно эту

⁴ Пс.-Скилак: «Савроматы – народ женоуправляемый». Ам. Марцеллин: «Всё, что по возрасту и полу непригодно для войны, держится около кибиток и занимается мирными делами» (пер. В. В. Латышева).

⁵ Б. Н. Граков опирался и ссылался в статье на переписку с учёными, которые были репрессированы или покончили с собой, являясь на момент написания статьи официально признанными внутренними врагами СССР.

⁶ [26. С. 11–35]. Ср. детальный разбор статьи Гракова: [9. С. 588–593]. А. С. Скрипкин не ссылается на эту работу.

идею в наши дни поддерживает А. С. Скрипкин [27]. То, что с исторической точки зрения это является нонсенсом (этнос не имеет никакого отношения к древностям, которые называются по его имени), нисколько не смущает сарматологов, пытающихся всеми силами хоть что-то сохранить в науке от парадигмы Гракова. Как результат – появляется всё больше исторических странностей: так, например, В. Д. Кубарев, находя прямые параллели между древностями Алтая и Приуралья VI–IV в. до н.э., вынужден был писать (в археологическом смысле) о савроматах, живших... на Алтае [16. С. 127–139]!

Не удалось сторонникам идей Гракова отстоять и археологическое единство «савроматской» культуры Волго-Уральского региона. Работами М. А. Очир-Горяевой было настолько убедительно доказано культурное различие Задонья, Поволжья и Приуралья в VI–IV в. до н.э., что М. Г. Мошкова была вынуждена признать, «что, по-видимому, со временем эта концепция (М. А. Очир-Горяевой – В. З.) восторжествует» [21. С. 9].

Долгое время последователи граковской парадигмы настаивали на том, что зарождение собственно культуры исторических сарматов, которой в археологии соответствует прохоровский культурный комплекс (специфичный погребальный обряд, набор вооружения, утвари и произведений ювелирного искусства), происходило «в недрах археологически понимаемой «савроматской» культуры». Этот процесс, по их мнению, протекал в пределах второй половины IV в. до н.э. Основанием этому убеждению служила неверно определяемая хронологическая позиция эпонимного памятника раннесарматской культуры – курганов у дер. Прохоровка. Однако, как показали мои работы [8], подкреплённые результатами исследования этих курганов под руководством Л. Т. Яблонского [33], у дер. Прохоровки располагались разновременные группы курганных насыпей. В северной группе были сосредоточены захоронения, относящиеся к V–IV в. до н.э. (памятники филипповского горизонта, или периода). В южной группе – захоронения раннесарматской культуры – второй половины II–I в. до н.э. (памятники прохоровского горизонта, или периода)⁷. Поскольку между памятниками филипповского и прохоровского культурных горизонтов во всём ареале Приуралья и Поволжья, имеется значительный хронологический разрыв, подтверждаемый отсутствием надёжно датированных памятников III в. до н.э., то парадигма автохтонного формирования раннесарматской культуры в Приуралье в период IV–III в. до н.э. оказывается несостоятельной, как и историческое единство культур реальных савроматов и сарматов.

Эта идея вызвала большой резонанс среди сарматологов, которые отрицают саму возможность такого расклада археологических материалов. Появилось множество вариаций хронологических решений «проблемы хиатуса III в. до н.э.» – от особого метода «зажатых датировок» В. М. Клепикова, предложившего выделить памятники III в. до н.э. по сочетанию хроноиндикаторов IV и II в. до н.э. в закрытых комплексах [14]⁸, до попыток удревнить само понятие «памятники прохоровской культуры» до VI в. до н.э. на основании того, что «савромато-сарматская» археологическая культура не может быть дискретной, как историческое явление и в ней всё эволюционно

⁷ Следует отметить, что Л. Т. Яблонский этого деления прохоровских курганов не принимает. Но докопать памятник это ещё не значит понять его. Подчеркну особо, что под понятиями прохоровского горизонта, памятниками и предметами прохоровского типа я понимаю исключительно круг древностей, найденных в Южной группе Прохоровского курганного могильника.

⁸ Этот метод имел бы смысл, если бы культура кочевников на протяжении, как минимум, IV–II в. до н.э. была бы едина в степях Поволжья и Приуралья. Но этого как раз и не доказано в науке, чего не понимает автор метода, действуя в археологии как артиллерист на пристрелке цели.

взаимосвязано. У сторонников этой весьма запутанной идеи наблюдается прямое несогласие отделять исторических и «археологических савроматов» от сарматов, и говорить об условности понимания «савроматской» археологической культуры. Они критикуют последователей К. Ф. Смирнова – в частности, А. С. Скрипкина – за идею условного понимания археологической «савроматской» культуры и считают вполне реальной жизнь исторических савроматов и «вызревших» в их среде исторических сарматов на просторах от Заволжья до Приуралья⁹.

М. Г. Мошкова и А. С. Скрипкин, оставаясь на позициях традиционной хронологии раннесарматской культуры, указали, что для констатации наличия или отсутствия хронологических разрывов археологических колонок «савромато»-сарматских древностей, необходима многолетняя кропотливая работа. Так, А. С. Скрипкин написал в 2000 г. по этому поводу: «основной недостаток периодизации В. Ю. Зуева заключается в том, что она не опирается на основательную типологическую проработку всего материала раннего железного века Южного Приуралья I тыс. до н.э. Эта малоэффективная и достаточно трудоёмкая работа – необходимое условие разработки любой археологической периодизации, об этом знает каждый начинающий археолог. Только на основании типологического анализа всех категорий материальной культуры и погребального обряда можно объективно судить о правомерности выделения тех или иных культурных пластов, о их относительной хронологии и характере взаимосвязи их между собой. Насколько я осведомлён, такая работа В. Ю. Зуевым проделана не была, что делает его периодизацию памятников раннего железного века Южного Приуралья чисто умозрительной. Её фактическая основа не соответствует требованиям репрезентативности, предъявляемым к такого рода исследованиям» [25. С. 22–23]. В том же ключе высказалась и М. Г. Мошкова: «Нигде в работах не представлены типологические разработки оружия, керамики и другого инвентаря, которые дали бы иные временные рамки для имеющихся хронологических колонок, а также зафиксировали бы разрывы в развитии отдельных категорий вещей и признаках погребального обряда» [22. С. 244–249].

При этом, оба сарматолога не сомневались, что наука базируется на уже проделанной работе Б. Н. Граковым и его последователями по типологическому анализу инвентаря из погребений кочевников. И что результат этого убедительно свидетельствует о непрерывной эволюции форм оружия, керамики, утвари и произведений искусства в археологических комплексах IV–II в. до н.э. из Приуралья и Поволжья. Но за прошедшие годы выяснилось, в частности, что вся база проделанной ими типологической работы – это 60 погребений из 43 памятников, которые К. Ф. Смирнов рассматривал как финальные «савроматские» памятники IV в. до н.э., а М. Г. Мошкова эти же памятники считала самыми ранними прохоровскими¹⁰. Т. е., «случайно» получилось, что конец «савроматской» археологической культуры и начало

⁹ Пример такого решения проблемы продемонстрирован в работах Р. Б. Исмагилова (Р. Исмагил). Он упорно доказывает, что понятие «Танаис» обозначал у кочевников скифской эпохи водный поток вообще, почему это понятие можно применить для эпохи архаики к р. Волга, за которой действительно жили исторические савроматы на расстоянии 15 дней пути – как раз до Приуралья. Р. Исмагил пытается доказать, что по сути дела все водные преграды у кочевников в степях были «танаисами» и в разное время принимались греками за гидроним далёкой восточной реки. А исторические савроматы эпохи архаики... жили в Приуралье и были предками сарматов! [13. С. 174–182].

¹⁰ Сопоставление этих комплексов в сводах памятников К. Ф. Смирнова, В. Г. Петренко [28] по «савроматской» и М. Г. Мошковой [19] по раннесарматской (прохоровской) культурам см. [10. С. 207–208]. За прошедшие годы объяснения и опровержения этому наблюдению не последовало. Правда, А. С. Скрипкин в устных выступлениях призывает следовать не букве и цифре конкретных памятников, а схожести общих массивов «савроматской» и раннесарматской культур.

раннесарматской (прохоровской) представлен одними и теми же памятниками. Таким образом, на сегодняшний день в науке не существует доказательно построенных типологических колонок «савромато»-сарматских древностей, что подтверждает наличие хронологического разрыва между древностями филипповского и прохоровского культурных горизонтов.

Убеждает в этом и работа по сравнению технологий производства мечей и кинжалов Приуралья VI–IV и II–I в. до н.э. [31; 11]. Они не сводятся к единой традиции производства. Более того, функционально совершенно различны в боевом применении. Оружие прохоровского типа является абсолютной новацией и не может быть выведено производственно путём эволюции форм перекрестьев и наверший, из более ранних клинков, как это принято было рисовать сторонниками идеи культурной эволюции филипповского и прохоровского горизонтов древностей. Находимые на одной территории, хронологически в одно и то же время (по мнению эволюционистов), клинки финального этапа филипповского горизонта ни разу не совстречаются в одном археологическом комплексе с клинками прохоровского типа [7; 24]¹¹.

Парадоксальную картину по хронологическому распределению предметов ювелирного искусства в погребальных комплексах сарматской культуры привела в своей работе В. И. Мордвинцева [18. С. 592–597]. Она стоит в целом, на традиционных позициях датирования сарматских древностей – с рубежа IV–III в. до н.э. по первые века н.э. В Поволжье она выделила три хронологических периода, по которым распределила все известные погребальные комплексы, в которых присутствуют ювелирные украшения¹². Однако в рамках первого периода у неё происходит интересное распределение материала, которое Мордвинцева замечает, но не в силах его объяснить, т.к. придерживается традиционных взглядов на историю появления сарматов в данном регионе. У неё получилось, что на первые 150 лет (III – первая половина II в. до н.э.) раннесарматской истории в междуречье Дона и Волги, Заволжье и Нижнем Поволжье золотые украшения найдены только в пяти женских погребениях. Это были поштучно: «височные кольца простых форм и, в более редких случаях (на пять-то погребений! – В. З.), перстни с гладкими выпуклыми щитками, аналогии которым имеются в скифских древностях Северного Причерноморья и Прикубанья» [18. С. 593]. Даже из приведённой цитаты становится ясна необоснованность датировки этих находок раннесарматским временем. То есть можно уверенно говорить, что в указанный исторический период в Поволжье практически нет сарматских погребений с золотыми украшениями. В. И. Мордвинцева объясняет это отсутствием связей сарматов с «античными центрами» ювелирного производства и интереса эллинов к региону Поволжья. И тут, по заключению автора (ведь чем-то же нужно заполнить канонический период ранней истории сарматов), строго в рамках этого периода, случается чудо! «Ситуация меняется с середины – второй половины II в. до н.э. Появляются комплексы, которые по составу и качеству инвентаря резко отличаются от льшинства других захоронений» единого периода развития культуры [18. С. 593]. В

¹¹ А. В. Симоненко выразил своё отношение к идее преемственности оружия «савроматов» и сарматов в виде риторического вопроса: «Что же касается возможной эволюции савроматских мечей с брусковидным навершием и бабочковидным перекрестьем, через переходный тип в прохоровское оружие с серповидным навершием и прямым перекрестьем, то я не вижу этому ни археологического, ни рационального объяснения. ... В самом деле, как и зачем «превращались» друг в друга эти неодушевлённые и самодостаточные вещи? Надо думать, что превращали их всё же люди, а тогда возникают вопросы – кто и почему?» [24. С. 23].

¹² «III–I вв. до н.э. (65 комп.), I – 1 пол. II вв. н.э. (65 комп.), 2 пол. II – 1 пол. III вв. н.э. (17 комп.)» [18. С. 593].

последовавшее столетие в Поволжье фиксируются 60 комплексов мужских и женских элитарных захоронений ранних сарматов, которые изобилуют ювелирными украшениями греческого, среднеазиатско-ближневосточного и китайского производства. Приведу цитату только про мужские захоронения второй половины II–I в. до н.э.: «В мужских захоронениях знати всех уровней обнаружены неизвестные здесь до середины II в. до н.э. категории статусных вещей из драгоценных металлов: украшения (золотые бляшки), предметы вооружения, ритуальные пластины (жезлы?), поясные наборы, украшения упряжи. Многие из них являются прямыми импортами с далёких восточных территорий (Западная Сибирь, Монголия) или сделаны на месте по этим образцам» [18. С. 593].

В. И. Мордвинцева рисует удивительную историческую картину. В трёхсотлетнем периоде существования единой раннесарматской культуры, в первые 150 лет, мужчины вообще чурались золота, а женщины были идилически скромны. Во второй половине II в. до н.э. нравы элиты раннесарматского общества явно резко испортились, т.к. появляется поразительное разнообразие произведений ювелирного искусства, а также техник их производства! Из полуторовекового прозябания в качестве «глухого угла» Поволжье превращается, чуть ли не в ювелирный центр ойкумены, причём исключительно благодаря торговым связям и ни в коем случае не в результате миграции орд кочевников. Почему из-за верности взглядов автора традиционным установкам на периодизацию сарматской истории, должен серьёзно обсуждаться единый культурный период в истории ранних сарматов, протяжённостью в 300 лет, когда на первые 150 лет мы нигде не имеем выразительных археологических материалов? Для меня это непонятно. Ведь совершенно очевидно, что в середине II в. до н.э. в степи Приуралья и Поволжья приходит новая волна кочевников, оставившая многочисленные погребения с ярко выраженным прохоровским культурным комплексом вещей, заимствованных в Китае, Средней Азии, на Ближнем Востоке, и именно с этой волной кочевников и следует связывать появление сарматов. При этом, безусловно, и то гипотетическое допущение, что сложение орд этих номадов происходило чуть раньше – в бурной истории III – начала II в. до н.э. Но происходило это становление кочевой культуры никак не в Приуралье и Поволжье эволюционным путём – по наследству от номадов, живших здесь в IV в. до н.э.

Завершая отступление о ювелирном искусстве сармат, сошлюсь на мнение И. П. Засецкой, которая в ряде работ констатирует «отсутствие корней сарматского звериного стиля в художественных изделиях савроматов» Поволжья и Приуралья [6. С. 255–256].

Таким образом, приведённые примеры доказывают, что методичный, кропотливый анализ всех категорий инвентаря прохоровского археологического комплекса работает как раз в пользу признания того факта, что древности этого культурного горизонта независимы в своём происхождении от культурного периода жизни номадов в Приуралье и Поволжье V–IV в. до н.э.

Говоря о древностях прохоровского археологического комплекса необходимо взглянуть за пределы Приуральского региона и поставить вопрос – когда же появляются в восточном Причерноморье и далее на восток материалы этого культурного горизонта? Работами последнего десятилетия убедительно доказано, что древностей прохоровского типа нет ранее второй половины II в. до н.э. на всём протяжении от Приуралья до Северного Причерноморья. [24; 2; 15]. Попытки доказать, что в лесостепной зоне Приуралья есть древности прохоровского горизонта IV в. до н.э. основываются только на верности сарматологов граковской парадигме о единстве «савромато-сарматской» культуры и на игре с понятием «прохоровский горизонт

древностей» в силу того, что этот могильник состоит из двух разновременных групп V–IV и II–I в. до н.э.

Интересно и весьма симптоматично, что наиболее ранние образцы мечей и кинжалов прохоровского типа дают археологические комплексы, где эти клинки представлены в церемониальном виде – когда ножны и рукояти этих клинков плакированы золотом (Рис. 1). Распространение подобных комплексов показано на карте (Рис. 2). Они позволяют говорить, что как историческое явление – это чёткий хронологический горизонт, раньше которого ни оружия, ни других составляющих археологического комплекса прохоровского типа просто неизвестно на всём протяжении степей от Западной Сибири и Средней Азии в целом до Северного Причерноморья. А раз так, то весьма вероятно, что именно древности этого культурного горизонта маркируют появление и распространение исторических сарматов из глубин азиатских степей (Рис. 3). Такова археологическая картина появления в евразийских степях древностей сарматского круга. Исторически, возможно, что формирование сарматской культуры происходит чуть ранее в глубинах Срединной Азии, по меткому определению М. И. Ростовцева [23. С. 9]. Но древности V–IV в. до н.э. из Приуралья и Поволжья вряд ли корректно называть савроматскими, а уж тем более – сарматскими. Скорее всего, они оставлены неизвестными нам по этнонимам номадами, чей культурный облик определялся скифскими традициями Евразийского пояса степей. В первые десятилетия III в. до н.э. они сошли с исторической арены как самостоятельные исторические феномены, задолго до прихода в степи Приуралья и Поволжья сарматских орд.

Таким образом, граковская парадигма о савромато-сарматской культуре, равно как и все её позднейшие дериваты, родившись как отрицание взглядов М. И. Ростовцева на дискретную, миграционную природу формирования сарматской культуры, не оправдывает своего энциклопедического статуса окончательного объяснения ранней истории и археологии сарматов.

Список використаної літератури

1. Гаврилов А. К. Скифы Савмака – восстание или вторжение? (IPE I², 352 = Syll.³, 709) / А. К. Гаврилов // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. – СПб.: 1992. – С. 53–72.
2. Глебов В. П. Раннесарматская культура Нижнего Подонья II–I в. до н. э.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: спец. 07.00.06 «Археология» / Вячеслав Петрович Глебов. – М.: 2010. – 27 с.
3. Граков Б. Н. Γυναικοκρατοῦμενοι (пережитки матриархата у сарматов) / Б. Н. Граков // ВДИ. – 1947. – № 3. – С. 100–121.
4. Граков Б. Н. Сарматы / Б. Н. Граков // БСЭ. – 2-е изд. – М.: 1955. – Т. 38. – С. 346.
5. Жебелёв С. А. Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре / С. А. Жебелёв. – Л.: 1933. – 36 с. – (ИГАИМК; Вып. 70).
6. Засецкая И. П. Сокровища кургана Хохлач. Новочеркасский клад / И. П. Засецкая. – СПб.: 2011. – 327 с.
7. Зуев В. Ю. К истории сарматской паноплии. Мечи и кинжалы прохоровского типа / В. Ю. Зуев // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе: матер. Междунар. науч. конф. 2–5 сентября 1998 г. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1998. – С. 143–150.
8. Зуев В. Ю. Материалы к истории изучения Прохоровских курганов в Оренбуржье (По итогам экспедиции 2001 г.) / В. Ю. Зуев. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. – 71 с. – (Археологические экспедиции Государственного Эрмитажа).

9. Зуев В. Ю. Сарматская концепция М. И. Ростовцева и Прохоровские курганы / В. Ю. Зуев // Парфянский выстрел. – М.: РОССПЭН, 2003. – С. 580–604.
10. Зуев В. Ю. О некоторых попытках модернизации сарматской периодизации / В. Ю. Зуев // Сарматские культуры Евразии: Проблемы региональной хронологии : докл. к 5 междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». – Краснодар, 2004. – С. 205–220.
11. Зуев В. Ю. Типология и технология производства клинкового оружия на стыке скифской и сарматской эпох (по материалам Южного Приуралья) / В. Ю. Зуев, П. Н. Карташов // Европейская Сарматия : матер. междунар. конф. в честь М. Б. Щукина. – СПб.: Нестор-История, 2011. – С. 93–115. – (XIV чтения памяти Анны Мачинской).
12. Зуев В. Ю. О появлении сарматов в степях Евразии по археологическим данным / В. Ю. Зуев // Боспорский феномен: Греки и варвары на Евразийском перекрестке : матер. междунар. науч. конф. – СПб.: Нестор-История, 2013. – С. 512–522.
13. Исмагил Р. Танаис и другие восточные реки Геродота. Ранние тюркизмы в «скифском логосе» / Р. Б. Исмагилов // ВАП. – 2002. – № 2.
14. Клепиков В. М. Сарматы IV–III в. до н.э. в Заволжье и Волго-Донском междуречье : автореф. дис. ... канд. ист. наук : спец. 07.00.06 «Археология» / Валерий Михайлович Клепиков. – Волгоград: 1998. – 26 с.
15. Клепиков В. М. Сарматы Нижнего Поволжья в IV–III в. до н.э. / В. М. Клепиков. – Волгоград, 2002. – 216 с.
16. Кубарев В. Д. «Савроматы» на Алтае / В. Д. Кубарев // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – № 2. – С. 127–139.
17. Мачинский. Д. А. О времени первого активного выступления сарматов в Поднепровье по свидетельствам письменных источников / Д. А. Мачинский // АСГЭ. – Л., 1971. – Вып. 13. – С. 30–54.
18. Мордвинцева В. И. Контакты варваров Нижнего Поволжья с античными центрами (III в. до н.э. – сер. III в. н.э.) / В. И. Мордвинцева // Боспорский феномен. Население, языки, контакты : матер. междунар. науч. конф. – СПб.: Нестор-История, 2011. – С. 592–597.
19. Мошкова М. Г. Памятники прохоровской культуры. / М. Г. Мошкова. – М. : АН СССР, 1963. – 56 с., 32 табл. – (Археология СССР. САИ. Д 1–10).
20. Мошкова М. Г. Пути и особенности развития савромато-сарматской культурно-исторической общности : доклад на соиск. науч. степ. докт. ист. наук : спец. 07.00.06 «Археология» / Марина Глебовна Мошкова. – М., 1989. – 47 с.
21. Мошкова М. Г. Предисловие / М. Г. Мошкова // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. — М., 1994. – Вып. I: Савроматская эпоха. – С. 5–10.
22. Мошкова М. Г. О наболевших проблемах сарматской археологии / М. Г. Мошкова // На акад. Дмитри Сергеевич Раевски. Ἀποθέσις. – София, 2001. – С. 244–249. – (Миф. Вып. 7).
23. Ростовцев. М. И. Срединная Азия, Россия, Китай и звериный стиль / М. И. Ростовцев. – Прага : 1929. – 40 с. – (Seminarium Kondakovianum. Σκυθικά. I).
24. Симоненко А. В. Сарматские всадники Северного Причерноморья / А. В. Симоненко. – СПб., 2010. – 327 с.
25. Скрипкин А. С. Значение научного наследия Б. Н. Гракова в разработке проблем сарматской археологии / А. С. Скрипкин // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э. Палеодемография, антропология и археология. – М., 2000. – С. 22–26.

26. Скрипкин А. С. К шестидесятилетию выхода в свет статьи Б. Н. Гракова «ГΥΝΑΙΚΟΚΡΑΤΟΥΜΕΝΟΙ (Пережитки матриархата и сарматов)» / А. С. Скрипкин // НАВ. – 2008. – Вып. 9. – С. 11–35.
27. Скрипкин А. С. Савроматы Геродота / А. С. Скрипкин // Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем: сб. ст. в честь И. П. Засецкой. – СПб., 2009. – С. 29–40.
28. Смирнов К. Ф. Савроматы Нижнего Поволжья и Южного Приуралья / К. Ф. Смирнов, В. Г. Петренко. – М.: АН СССР, 1963. – 40 с. 30 табл. – (Археология СССР. САИ. Д 1–9).
29. Смирнов К. Ф. Савроматы. История и культура ранних сарматов / К. Ф. Смирнов. – М.: Наука. – 1964. 379 с.
30. Смирнов К. Ф. «Савроматы» и «сарматы» / К. Ф. Смирнов // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. – М., 1977. – С. 129–139.
31. Терехова. Н. Н. Технология производства мечей и кинжалов Южного Приуралья скифского и сарматского времени / Н. Н. Терехова // Европейская Сарматия : матер. междунар. конф. в честь М. Б. Щукина. – СПб. : Нестор-История, 2011. - С. 67–92. – (XIV чтения памяти Анны Мачинской).
32. Тохтасьев С. Р. Sauromatae – Syrmatae – Sarmatae / С. Р. Тохтасьев // Памяти М. И. Золотарёва. – Севастополь, 2005. – С. 291–306. – (Херсонесский сборник. Вып. XIV).
33. Яблонский Л. Т. Прохоровка. У истоков сарматской археологии / Л. Т. Яблонский. – М.: 2010. – 381 с.

Стаття надійшла до редакції 30.11.2013

Список сокращений, использованных в статье В.Ю. Зуева

АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа.

БСЭ – Большая Советская энциклопедия.

ВАП – Вопросы археологии Поволжья. Самара

ИА РАН – Институт археологии Российской Академии Наук

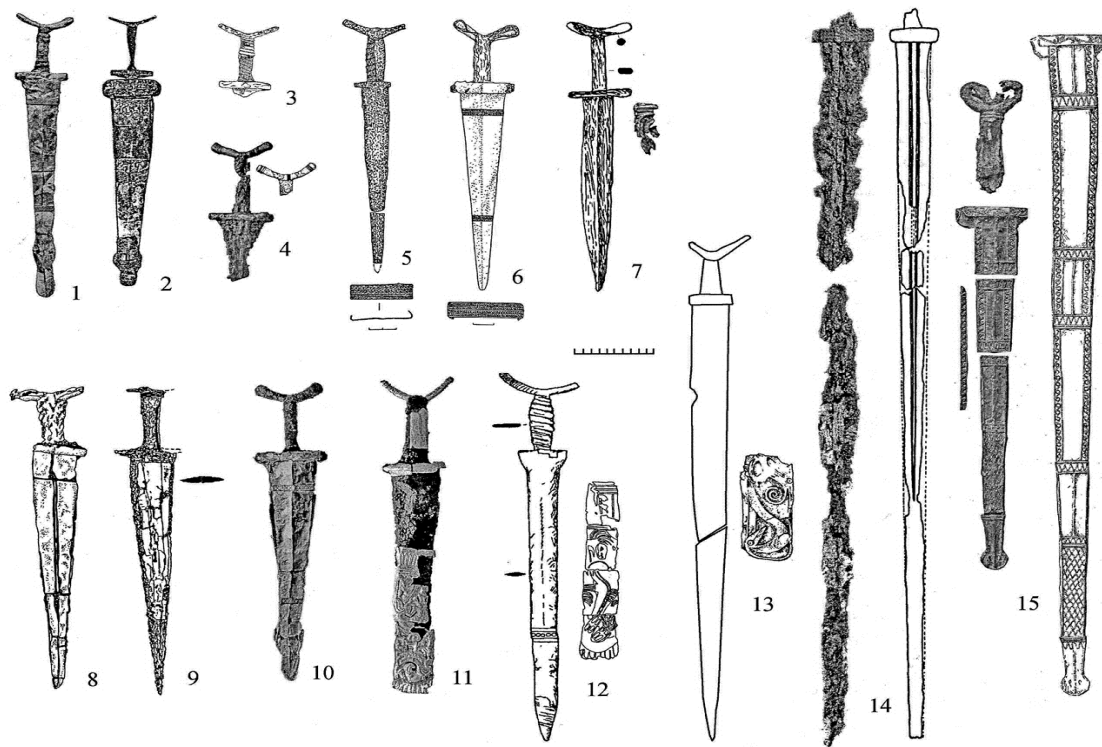
ИГАИМК – Известия Государственной Академии истории материальной культуры.

ИИМК – Институт истории материальной культуры.

НАВ – Нижневолжский археологический вестник.

IPE – В. Latyshev. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae. Petropoli. 1885–1916. Vol. I, I², II, IV.

Приложения к статье В.Ю. Зуева

Ри

с. 1. Церемониальные кинжалы и мечи прохоровского типа с обкладками золотом: 1 – Красногорский кург. Погр. № 2; 2 – Прохоровка. Южная группа. Кург. 1. Погр. 1; 3 – Горбатый мост. Кург. 4. Погр. 1; 4 – кинжал из коллекции Шукина (Гос. Исторический Музей); 5 – Покровка 2. Кург. 17. Погр. 2; 6 – Белокаменка-II. Кург. 7. Погр. 3; 7 – Короли. Кург. 4. Погр. 1; 8 – Барановка-I. Кург. 10. Погр. 9; 9 – Писаревка-II. Кург. 6. Погр. 2; 10 – Верхнее Погромное. Кург. 7. Погр. 6; 11 – Жутово. Кург. 27. Погр. 4; 12 – Раздольная. Кург. 7. Погр. 13; 13 – ОПХ «Рассвет». Кург. 1. Погр. 19; 14 – Саламатино. Погребение 1902 г.; 15 – Буерова могила

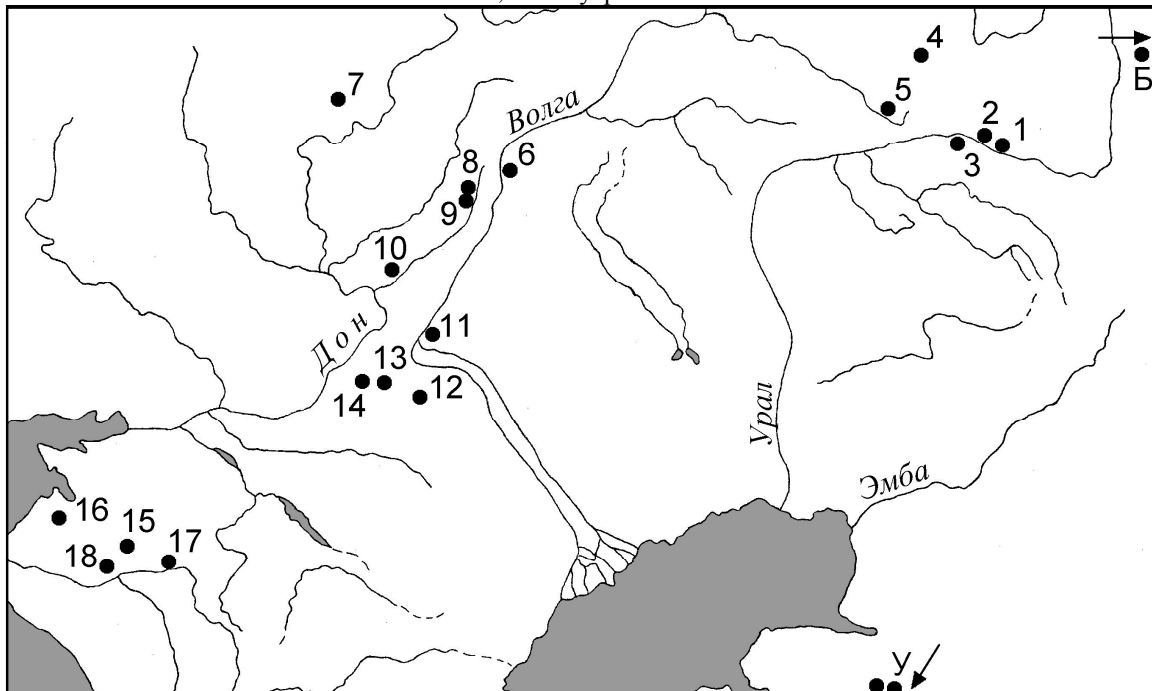

Рис. 2. Локализация комплексов II-I вв. до н.э. с церемониальными клинками прохоровского типа: 1 – Красногорский кург.; 2 – Горбатый мост. Кург. 4. Погр. 1; 3 – Бердянка V. Кург. 4. Погр. 4; 4 –

Прохоровка. Южная группа. Кург. 1. Погр. 1; 5 – Покровка 2. Кург. 17. Погр. 2; 6 – Белокаменка-II. Кург. 7. Погр. 3; 7 – Короли. Кург. 4. Погр. 1; 8 – Барановка-I. Кург. 10. Погр. 9; 9 – с. Саламатино. Погребение 1902 г.; 10 – Писаревка-II. Кург. 6. Погр. 2; 11 – Верхнее Погромное. Кург. 7. Погр. 6; 12 – Ханата. Кург. 8. Погр. 2; 13 – Жутово. Кург. 27. Погр. 4; 14 – Октябрьский-V. Кург. 1. Погр. 1; 15 – Раздольная. Кург. 7. Погр. 13; 16 – Буерова могила; 17 – Тифлисская. Кург. 18; 18 – ОПХ «Рассвет». Кург. 1. Погр. 19; Б – Байкара. Сарматское погр.; У – плато Устюрт. Ритуальные комплексы с каменными изваяниями в урочищах Улыгыз и Байте

Рис. 3. Вотивные фигурки сарматов из Сапоговского клада (Зауралье)

V.Y. Zuyev

ADDRESSING THE TIME OF ACTIVE PRESENCE OF THE SARMATIANS IN THE STEPPES OF EURASIA IN ACCORDANCE WITH ARCHEOLOGICAL DATA

Sarmatian archeology emerged in the Soviet science as a separate branch in the late 1940s on the basis of the paradigm of the Savromath-Sarmatian entity. Given the political conditions, the idea of identity and historical succession of the Savromaths and the Sarmatians was originally interpreted as the stage-bound strategy of autochthonous development of the cultures which was contrasted to the idea of migration as the basis of forming cultures of the Sarmatian range. The identity and the historical succession of the Savromaths and the Sarmatians were not proved. Instead, that assumption was pronounced as the conceptual one. The following development line of Sarmatian studies was following the path of pro-gradation and compromises between the available historical material and the desire to preserve the main paradigm.

Nowadays it is universally recognized that the historically known Savromaths have nothing to do with the archeological sites of the Urals or the Volga Region of the 6th-4th centuries B.C. There is still a conventional name common for all those "Savromath" antiquities that exists exclusively as archeological slang.

Nor does any slight criticism bear the idea that the culture of the early Sarmatians on the Urals or in the Volga Region was based on succession of traditions of the previous times. At the present time there is no exact knowledge of the sites of the 3d – the early 2d century B.C. The earliest and the most expressive Sarmatian sites which are comparable to the eponymous antiquities of the southern group of Prokhorovka burial mounds date back to the late 2d – the early 1st century B.C. They have no common roots on the Urals, having been brought by a wide stream of nomads who had started off in the mid 2d century B.C. from the

depths of Asia. Amidst the archeological material, this horizon is marked by burials of warriors with ceremonial Prokhorovka-type gold-encrusted saber bayonets and a huge amount of jewelry made up in the best traditions of South and Central Asia. This horizon of antiquities is very well recognizable on the vast areas stretching from China to the Black Sea, which makes it possible to speak about the Sarmathian history of the 2d – 1st century B.C.

Key words: *the Sarmatians, Prokhorovka burial mounds, nomads.*

В.Ю. Зуєв

ПРО ЧАС АКТИВНОГО ВИСТУПУ САРМАТІВ В СТЕПАХ ЄВРАЗІЇ ЗА АРХЕОЛОГІЧНИМИ ВІДОМОСТЯМИ

Сарматська археологія виникла в радянській науці як самостійний напрям в кінці 40-х років ХХ ст. на основі парадигми савромато-сарматської історико-культурної єдності. В силу політичних умов, ідея про тотожність та історичну наступність савроматів і сарматів, трактувалася спочатку як стадіальна концепція автохтонного розвитку культур і протиставлялася міграційній ідеї формування культур сарматського кола. Тотожність і спадкоємність савроматів і сарматів не було доведено, а було декларовано як концептуальну установку. Вся подальша лінія розвитку сарматології йшла по лінії розмивання і компромісів між реальним історичним матеріалом і бажанням зберегти головну парадигму. На даний час вже визнано, що історичні савромати не мають відношення до археологічних пам'яток Приуралля і Поволжжя VI-IV ст. до н.е. Зберігається лише якесь умовне найменування цих старожитностей «савроматської», виключно як археологічний сленг. Не витримує критики і ідея про те, що культура ранніх сарматів формувалася в Приураллі і Поволжжі на базі наступності традицій попереднього часу. На даний час немає ніяких чітких уявлень про пам'ятники III – першої половини II ст. до н.е. в цих регіонах. Найбільш ранні і виразні сарматські пам'ятники, зіставляються з епонімними старожитностями південної групи Прохорівських курганів, датуються другою половиною II – початком I ст. до н.е. Вони не мають місцевих коренів в Приураллі і принесені сюди широким потоком номадів, що рушили в середині II ст. до н.е. з глибин Азії. В археологічному матеріалі цей горизонт пам'яток маркується похованнями воїнів з церемоніальним, обробленим золотом, клинковою зброєю Прохоровському типу і великою кількістю ювелірних виробів, вироблених в художніх традиціях південної, середньої та центральної Азії. Цей горизонт старожитностей добре простежується на просторах від Китаю до Причорномор'я і дозволяє говорити предметно про сарматську історію II-I ст. до н.е.

Ключові слова: *сармати, сарматологія, Прохорівський курган, кочівники.*

УДК 94(477.62=14)(045)

В. І. Івацький

ГРЕКО-ТАТАРИ ТА ГРЕКО-ЕЛЛІНИ: ІСТОРІЯ ІДЕНТИФІКАЦІЙ

В статті простежується виникнення двох грецьких ідентифікацій: греко-татари та греко-елліни. Визначаються фактори їх появи, час виникнення, основні чинники їх розвитку. З'ясовано місце політики коренізації в УСРР в процесі трансформації грецької ідентичності з конфесійної у етнонаціональну.